

Вижу как теперь светелку, три окна, крыльцо и дверь...

СТРАШНЫЙ — С БОЛЬШИМИ ЖЕРТВАМИ — ОБВАЛ УЮТНОГО ОСОБНЯКА В ПРИГОРОДНОМ ПОМЕСТЬЕ ГОСТИЛИЦЫ ПОВЕРГ ЕЛИЗАВЕТИНСКУЮ СВИТУ В СОСТОЯНИЕ ТЯЖЕЛОГО ШОКА

На обратном пути Катя смогла тайком пообщаться с несчастной, израненной фрейлиной Анной Гагариной. И хотя врачи категорически воспретили бедолаге волноваться и разговаривать, сохранявшая спокойное достоинство (и всегда хорошо осведомленная!) аристократка успела сказать своей госпоже, что ярость императрицы из-за случившегося поистине безгранична. Гневная монархиня, шепотом поведала княжна, распорядилась немедленно арестовать и посадить в Петропавловскую крепость нескольких слуг графа Разумовского, обязанных по штату присматривать за дачной усадьбой. Сейчас дознаватели станут выяснять все важные подробности...

СТАРЫЙ ДОМ ГЛЯНЕТ В СЕРДЦЕ МОЕ...

Подробности, как оказалось, были действительно впечатляющими и будоражащими. Из уст в уста передавали, что злополучный домишко возводился совсем недавно, по осени прошлого, 1747 года, причем на полузамерзшей почве. Зодчий Андрей Квасов, мастер вроде бы опытный и искусный, участвовал когда-то в оформлении московских коронационных торжеств в связи с престоловением Елизаветы Петровны, а позднее трудился — еще до приезда в Царское Село Саввы Чевакинского и Франческо Растрелли — над убранством Екатерининского дворца, названного в честь государыни Екатерины I.

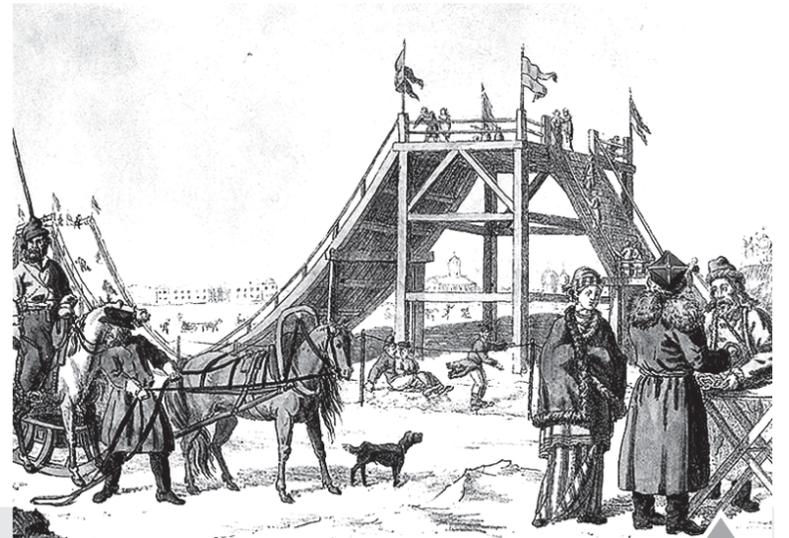
Примерно в ту же пору Квасова привлекли к работам в имении Алексея Разумовского Гостилицы, а также к строительному буму на некоторых украинских землях. Так в Козельце, на Черниговщине, возникли временные палаты, где самодержица изволила отдыхать летом 1744-го, на пике своего долгого развлекательного путешествия в Малороссию, куда вместе с нею вояжировали августейшие суженые — Фике с Петром Феодоровичем. Ну а с конца 1747-го архитектор оседает на юге: в придворных кругах — с подачи казацких старшин и после их усиленных челобитий в столицу, «родной маме» — зарождается мысль о воссоздании традиционного украинского гетманства. Власть, понятно, бутафорской и марионеточной, целиком и полностью зависимой от указаний с берегов Невы, но от этого — с внешней стороны — не менее уважаемой и почетной. Связанной — отрадно даже подумать! — с торжественным ношением гетманской булавы.

Само собой, на столь ответственный пост наметили младшего брата елизаветинского любимца — Кирилла Григорьевича Разумовского, отличавшегося, кстати, довольно легким и благодушным нравом. О его шутках-прибаутках ходили тогда такие же веселые разговоры, как в нашу эпоху — анекдоты о перлах красноречия, которые частенько выдавал газетчикам Виктор Степанович Черномырдин. Однако личный юмор не отменял, да и не мог отменить, серьезных политических шагов. А его светлости ясновельможному пану гетману надлежало жить в своей резиденции под небом малой родины, то есть в городе Глухове. Там-то Андрей Квасов и соорудил презентабельные деревянные хоромы, где поселилась семья Кирилла Разумовского — он сам, дети и жена, Екатерина Ивановна Нарышкина.

ОТКЛИКНЕТСЯ ДРЕМАВШИЙ ЧАСОВОЙ...

Созидательная горячка, естественно, вынуждала востребованного умельца метаться между одинаково нужными объектами на юге и севере. При закладке гостилицкого «коттеджа» Квасов поставил в наспех срабо-

таных сенях около дюжины вертикальных бревенчатых балок, строжайше предписав графской челяди не прикасаться к ним до его возвращения из Глухова в Петербург. Но ретивый управляющий — к слову, дворянин и родственник вице-канцлера Михаила Воронцова — посчитал, что прочность и надежность портят эстетику и уют живописного здания на холме. Укрепительные столбы срубили и вынесли прочь, и это приве-

«Вот качусь я в санках по горе крутой...». Старинная литография: катальная горка на Неве. Так же смотрелся и ее «аналог» в Гостилицах.

«Истомленная горем, все выплавав слезы...». Княжна Анна Гагарина (1722 — 1804) — несчастная, но выносившая мученица гостилицкой катастрофы. Дожила до 82 лет.

«Когда кипит морская гладь, корабль в плачевном состоянии...». Государь Петр I переплывает в шторм Финский залив. Художник Александр Коцебу. XIX век.

ло к последствиям, о коих с дрожью и ужасом вспоминала вся имперская столица.

Впрочем, и хлопотливый зодчий был, вероятно, не без греха. За ним, судачили, тянулся некий сомнительный шлейф. Две заложённые по его чертежам дощатые конюшни — на юге и тут, в Гостилицах, — развалились как карточные домики прямо на глазах ошалевшей прислуги. Да и жуткое происшествие после проводов барона Бретлаха могло обернуться куда большей бедой, не окажись рядом удалого преображенца Ивана Левашова. Многие избавленные от смерти не раз и не два возносили хвалу Вседержителю за то, что лихой воин, проведя полночи в седле (гвардейская служба — не сахар!), умудрился с первыми лучами солнца подъехать к владениям обер-егермейстера Разумовского.

Торопился он, собственно, не к барину. Храброго ратника интересовал главным образом Николай Чоглоков: с вельможей намечалось разобрать кое-какие детали по обустройству Ораниенбаумского дворцового ан-

самбля, к которому был представлен расторопный сержант. Однако Николай Наумович еще мирно почивал, и Левашов, ожидая камергерского пробуждения, прилежал на траве возле часового. Внезапно раздался странный треск, шедший откуда-то из недр особняка. На вопрос, что бы сие значило, охранник отвечал: «Такие режущие звуки, ваше благородие, доносятся из комнат уже всю ночь...»

Сержант вскочил на ноги и помчался тормошить Чоглокова. Вдвоем они наскоро оценили обстановку и бросились расталкивать сонных постояльцев на обоих этажах. Побудка была грустной. Но лишь когда Фике благополучно «опустилась» на лужайку перед рушащимся домом, она узрела, сколь много мертвых, раненых и искалеченных лежали вокруг. Изпод завалов кухни удалось вытащить тела трех лакеев, убитых рассыпавшейся печной кладкой. Правда, это бледнело по сравнению с тем, что стряслось в подвальной камерке, где отдыхали 16 дворовых людей, назначенных ухаживать за дачей и катальной. Все они были одновременно раздавлены верхними конструкциями, сползшими на шаткий и беззащитный фундамент. А на улице выносили новых и новых страдальцев...

ТЫ ПРАВИШЬ В ОТКРЫТОЕ МОРЕ!

На протяжении нескольких месяцев Екатерина жила в постоянном страхе. Она вздрагивала и вскрикивала во сне, словно от грозного, рокошущего оползня. Болели руки и ноги, ныли синяки и ушибы, особенно на правом боку. То же чувствовали женщины, спасшиеся вместе с нею, — Мария Крузе и Анна Сытина. Этакую черную меланхолию

следовало перебороть. И Фике мысленно вернулась к человеку, который всегда сохранял оптимистический настрой и умело выходил из любой напасти.

...В разгар Северной войны, в 1714-м, в славный год Гангутской победы (спустя двадцать лет после трудного плавания по Белому морю), Петр Алексеевич находился на Финском заливе, желая пройти от Гельсингфорса к Аландским островам. Ночью, однако, разразилась жесточайшая буря, и все опасались, что наш геройский флот погибнет не от неприятеля, а от непогоды. И тогда «дедушка» — в своем обычном духе! — снарядил шлюпку и, сев в нее, приказал двинуться к берегу, дабы запалить там огонь и дать кораблям знак о близкой суше.

Государь взял на себя руль, а brave гребцы налегли на весла. Поначалу шлюпка стремительно разрезала пенящиеся волны, но потом матросы промокли, замерзли, устали и, помолясь, приготовились к неотвратимой смерти. И в эту минуту над баркой выросла могучая фигура Петра. «Ребята! — зычно прокричал он. — Бойтесь? Да ведь кого везете? Царя! Кто великий яко Бог? Господь с нами! Прибавляй силы, мужики!» Громкая уверенная речь вдохновила команду, и посудина, пробившись сквозь ураган, пристала к земле. Там разожгли костер, пославший сигнал всему Балтийскому флоту о счастливом прибытии венценосца к вождельной цели.

Чуть обсохнув, неутомимый «шкипер» спросил, нет ли на лодке сухарей и доброго сбитня? Тотчас принесли мешок и бочонок. Разогрев веселящую жидкость, Петр опорожнил стакан, закусил убогой снедью и велел матросам тоже выпить для бодрости по стакану-другому спиртного. Затем лег под деревом у огня и, укрывшись куском парусины, уснул до рассвета. Боже милостивый, прошептала Фике, не в этом ли выход из всякой житейской невзгоды? Может, права камер-фрау Крузе, что не упускает случая опрокинуть фужер с искристым токайским?..